

УДК 159.9

ПСИХОЛОГИЯ ПОНИМАНИЯ И ГЕРМЕНЕВТИКА

(Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ: грант 04-06-00006а)

©2003 В.В. Знаков

Институт психологии РАН,
Самарский государственный педагогический университет

В статье проанализированы сходство и различие между психологией понимания и герменевтикой. Герменевтика ищет истоки понимания не столько в самом объекте понимания, сколько в том социальном, культурном, историческом контексте, в который он включен. Психология понимания главным образом направлена на изучение активности, ценностей, смыслов субъекта в процессе понимания.

Человек живет в природном и социальном мире и подчиняется его законам. Современное научное познание направлено на выявление двух основных типов закономерностей, определяемых двумя группами законов. Первая группа законов – это законы бытия, описывающие то, что есть. «Законом» в этом значении понятия называется то, что регулярно повторяется и в силу необходимости происходит именно так, как происходит. Изучая явления, подчиняющиеся таким законам, ученые стараются выявить объективно существующие причинно-следственные связи и устойчивые отношения. Вторая группа – законы, представляющие собой регулирующие механизмы и предписывающие, как именно должны происходить те или иные процессы (чаще всего в мире человека). По своей сути они отражают законы долженствования, нормы – моральные, социальные, юридические и др. Нормативно-регулятивные установления не могут быть истинными или ложными. Более корректно их следует называть правильными или неправильными (с точек зрения разных людей). Оценка правильности-неправильности осуществляется путем соотнесения знания не с критериями истинности, а с ценностями, принимаемыми и отвергаемыми различными социальными группами. Очевидно, что законы первого типа легче обнаружить в естественных науках, в то время как второго – в гуманитарных и общественных. Что касается научной психологии, то, как известно из работ

Б.Г.Ананьева, Ж.Пиаже и других ученых, по своей сути она представляет собой неразрывное единство естественнонаучного, социального и гуманитарного знания. Однако существуют и отдельные комплексные сложные проблемы, которые воплощают в себе указанное единство. Одной из них является проблема понимания. Она оказывается центральной для психологии понимания и герменевтики. Однако вопрос о детерминации формирования понимания законами двух типов в них решается по-разному.

Цель статьи – выявить те стороны проблемы, на которые обращают особое внимание представители двух названных областей научного знания.

1. За последние 15-20 лет из разнообразных и многоплановых исследований проблемы понимания сформировалась самостоятельная область психологической науки – психология понимания. Это произошло после того, как были выявлены и проанализированы различные формы понимания одного и того же материала, основные условия, необходимые для возникновения понимания, главные направления изучения понимания в мировой психологии [4].

В психологии понимания доказано, что в ситуациях, в которых нужно что-либо понять, у людей могут возникать, по меньшей мере, три различающиеся по психологическим механизмам формы понимания. То, какая форма понимания возникает у субъекта, обусловлено прежде всего характером конкретной ситуации и

его мыслительной деятельности. Иначе говоря, в какие объективные обстоятельства, требующие понимания, попадает человек и какую задачу он решает в этих обстоятельствах.

При решении задачи на распознавание, ответе на вопрос: «Что это такое?» у человека возникает понимание-узнавание объекта, события, ситуации. Если понимающий субъект выдвигает гипотезу, делает предположение о том, к какой области относится объект, то он решает задачу на доказательство правильности своего предположения. В этом случае у нас возникает понимание-гипотеза. Если мы попадаем в такую ситуацию, в которой главное, что нужно для понимания, - это объединить элементы понимаемого в целое, то мы решаем задачу на объединение, конструирование целого из частей. При решении задачи на конструирование, у понимающего субъекта возникает форма понимание-объединение.

Для понимания фактов, событий, явлений в нашей психике должны реализоваться целевое и мнемическое обобщенные условия понимания.

Целевое условие понимания формулируется так: человек обычно понимает только то, что соответствует его прогнозам, гипотезам, целям.

Мнемическое условие: человек понимает только то, что он может соотнести со своими знаниями, что не противоречит его прошлому опыту - для понимания всегда нужны некоторые предварительные знания о понимаемом.

Для возникновения взаимопонимания в общении дополнительно должны реализоваться эмпатическое и нормативное обобщенные условия понимания.

Эмпатическое условие: нельзя понять другого человека, не вступив с ним в личностные отношения, не проявив эмпатию по отношению к нему.

Нормативное условие: для достижения взаимопонимания в коммуникативных ситуациях люди должны исходить из одних и тех же постулатов общения и соотносить предмет обсуждения с одинаковыми социальными образцами, нормами поведения.

В психологии понимания выделяются семь основных научных подходов к изучению понимания: методологический, когнитивный, логический, семантический, лингвистический, коммуникативный и психологический. В каждом направлении внимание исследователей направлено преимущественно на один из аспектов комплексной проблемы. Например, в когнитивном подходе акцент делается на установление соотношений между структурой объекта понимания (в большинстве исследований им является текст на естественном языке) и теми знаниями, которые используются субъектом для получения представления об объекте и определяют характер его интерпретации. Многие психологи сконцентрировали свое внимание на анализе организации структур знаний субъекта, с которыми соотносятся события текста. Такие структуры называют по-разному - схемами, макроструктурами, фреймами. Именно умение извлечь из памяти нужный фрейм и соотнести его с входным сообщением определяет успешность понимания.

Обобщение многообразных определений приводит к выводу, что понимание представляет собой такой психологический феномен, в котором наиболее существенными являются два аспекта.

Первая особенность понимания заключается в том, что понимая факты, события, ситуации мы всегда выходим за непосредственные границы понимаемого и включаем его в какой-нибудь более широкий контекст. В частности, смысл любого рассказа (повести, романа) - заключается не в предметном содержании, его фабуле, а в отношении читателя к прочитанному. Отношение проявляется в интерпретации, выводах, предположениях, ответах на вопросы и т.д.

Второй отличительный признак понимания как психического образования заключается в том, что для того чтобы что-либо понять, нам всегда нужно соотнести понимаемое с нашими представлениями о должном. Я говорю о сопоставлении понимаемого с такими ценностными представлениями понимающего субъекта, которые представлены в принимаемых

им социальных, групповых, моральных норм поведения. Если то, что человеку необходимо понять, расходится с тем, что он ожидает в соответствии со своими представлениями о мире, то у него возникают трудности с пониманием ситуации.

В самых общих чертах таковы контуры психологии понимания как раздела психологической науки, который находится на стыке общей и социальной психологии. В сущности, в этом ракурсе она предстает когнитивной дисциплиной. С когнитивной точки зрения, понимание рассматривается как одна из процедур человеческого познания – наряду с объяснением, интерпретацией, прогнозированием и другими. Понимание как познавательная процедура направлено не на получение нового знания, а на смыслообразование, приписывание смысла знанию, полученному в процессе мыслительной деятельности.

2. К середине двадцатого столетия проблема понимания начала приобретать новое смысловое значение. Учитывая двойственность законов, которые детерминируют развитие психики субъекта, ученым все чаще приходилось задумываться над тем, что представляет собой тот мир, в котором живет современный человек. В XX веке, например, некоторые поэты стали утверждать, что «поэзия не следует за действительностью. Она в какой-то мере формирует язык, а язык формирует действительность. Поэзия в какой-то мере оказывается первичной, а действительность, по-видимому, вторичной» [1, С. 28]. В этих условиях решающее значение приобретает процедура интерпретации изучаемых фактов, событий и т.п. Стремление искать адекватные способы истолкования психологических и социокультурных феноменов неизбежно приводит психологов к размышлениям о сходстве и различии конкретно-научных проблем интерпретации с теорией, методологией и методами герменевтики. Именно в этой области ученый сталкивается с необходимостью адекватного описания реальностей, соответствующих

двум группам законов: отражаемой людьми и порождаемой ими.

Во-первых, это проявляется в одной из главных проблем герменевтики - двойственности смысла любого символа. Во-вторых, - в признании того, что объекты и события, происходящие в мире, не могут быть определены независимо от контекста понимания того, кто их наблюдает, осмысливает и интерпретирует. С позиций герменевтики, понятия должны предшествовать наблюдениям, а не вытекать из них. Иначе говоря, понятия образуются не как результат отражения мира, а как результат его понимания. Язык теоретических терминов служит для того, чтобы определить, что принимать за данность, объективную реальность в этом мире. В-третьих, в осознании герменевтиками того, что вербальное представление события всегда предполагает его вторичное осмысление (и новую интерпретацию), основанное на сопоставлении смысла события и его «противосмысла».

Кратко раскрою содержание и смысл трех указанных положений герменевтического способа понимания и интерпретации ситуаций человеческого бытия.

Герменевтика ищет истоки понимания не столько в самом объекте понимания, сколько в том социальном, культурном, историческом контексте, в который он включен. Например, смысл любого произведения искусства считается понятным, если его удалось проинтерпретировать с позиций той культурно-исторической эпохи, среды, в которой оно создавалось. Герменевтикам фактически не интересен прямой смысл, буквальное значение исторического документа, художественного произведения или памятника культуры. Они рассматривают их как некие символы той эпохи, в которой последние создавались. Ключевым словом для представителей герменевтического направления является слово «символ». К примеру, один из наиболее известных и крупных мыслителей в этой области П. Рикёр развивает теорию двойственности смысла любого символа [5]. С его точки зрения, например тексты Тита Ливия или Тацита, состоят из символов, которые должен

уметь расшифровывать современный историк.

Каждый символ имеет прямое, первичное, буквальное значение, обозначающее вполне конкретный фрагмент объективного мира. Но вместе с тем символ одновременно имеет и другой смысл - косвенный, вторичный, иносказательный. Этот вторичный смысл может быть понят только через первичный. Иначе говоря, символ это как аллегория: обозначая одну вещь, он вместе с тем означает и другую. Например, всем известная аллегория правосудия - женщина с повязкой на глазах и чашами весов в руке. Понимание символических структур представляет собой наиболее типичный пример необходимости выявления понимающим субъектом взаимно дополнительной детерминации понимаемого законами двух типов. Для понимания и адекватной интерпретации символического изображения какой-либо ситуации субъект должен не только отразить ее реальные причинно-следственные связи и отношения, но и выявить вторичный символический смысл, порожденный творческой деятельностью человека или человечества.

Отличительная особенность герменевтики заключается в том, что ее представители всегда делали акцент, прежде всего на способах конструирования, порождения человеком новых реальностей – в искусстве, психоанализе и других областях человеческой жизни. Герменевтика ищет истоки понимания не столько в самом объекте понимания, сколько в том социальном, культурном, историческом контексте, в который он включен. В частности, смысл любого произведения искусства считается понятным, если его удалось проинтерпретировать с позиций той культурно-исторической эпохи, среды, в которой оно создавалось.

Понимание и интерпретация являются центральными категориями герменевтики. Интерпретация - это такая работа мышления, которая состоит в расшифровке смыслов, скрытых в культуре. Расшифровать смысл - значит за буквальным значением слов увидеть все богатство возможных смыслов. Интерпре-

тировать - значит идти от явного смысла к смыслу скрытому. Работа по интерпретации обнаруживает глубокий замысел. Он состоит в том, чтобы преодолеть культурную отдаленность, дистанцию, отделяющую читателя от чуждого ему текста. Читатель должен как бы поставить текст на один уровень с собой, включить смысл этого текста в свое понимание.

Бытие человека заключается в том, что он присваивает смыслы, заключенные в культурных памятниках. Человек существует, понимая окружающий мир. В таком случае понимание оказывается уже не одной из процедур человеческого познания, а становится способом бытия. Бытие существует, понимая. Задача герменевтики состоит в том, чтобы показать, что существование достигает смысла слова лишь путем интерпретации всех значений, которые рождаются в мире культуры. Существование субъекта становится подлинно зрелым человеческим существованием, только присваивая себе те смыслы, которые сначала находятся вовне - в произведениях, памятниках культуры и других объективированных проявлениях духовной жизни.

При таком подходе вполне естественно, что современных герменевтиков очень привлекает проблема так называемого ложного сознания. Эта проблема отчетливо проявилась со времен Фрейда. Именно после его работ стало очевидно, что за тем, что мы осознаем, могут скрываться неосознаваемые побуждения, мотивы, желания. Наше сознание как бы подсовывает нам ложную картину действительности. Как известно, по Фрейду, очень многие наши обыденные представления скрывают за собой глубинные сексуальные влечения, являются символами этих влечений. Э.Фромм в работе «Психоанализ и религия» отметил, что самым важным вкладом психоанализа в развитие человеческой культуры является то, что он открыл новое измерение истины. Психоанализ показал, что того факта, что человек верит во что-то, еще недостаточно, чтобы судить о правдивости его высказываний. Только если понять бессоз-

нательные корни мотивации, то можно узнать, рационализирует он или говорит правду [6].

Это принципиальное положение. До этого в герменевтике поиски механизмов понимания осуществлялись в основном в культуре, т.е. вне субъекта. Психоанализ фактически поставил вопрос о существовании внутренних условий понимания. Согласно Рикеру, герменевтика начинается только там, где прежде имела место буквальная, а значит ложная интерпретация содержания сознания. Неудивительно, что герменевтики большое значение уделяют соотношению культуры и влиянию психоанализа на современную культуру. Начало психоаналитической интерпретации культурных феноменов было положено самим Фрейдом. Вспомним хотя бы его работу о Леонардо да Винчи. В наши дни Поль Рикёр в работе «Герменевтика и психоанализ» пытается найти собственную интерпретацию вклада психоанализа в историю и теорию культуры [5].

Герменевтический подход не сводится к познанию истины, скорее он ориентирован на ценностно-смысловую интерпретацию действительности [2]. Современные герменевтические исследования основаны на рефлексивном осознании двух типов рациональности: 1) познании как такой рационализации и объективации, посредством которых субъект получает общезначимое знание; 2) познании мира как человеческого бытия, основанном на общении и приобщении. Во втором случае разум трансцендирует не только к индивидуальному, но и такому межличностному опыту, который иногда, на первый взгляд, кажется искусственным, нереальным.

Второй тип рациональности, апеллирующий к ценностям человеческого бытия, в современной гуманитарной науке представлен, прежде всего, нарративным подходом. В нем изучается не только то, как люди рассказывают истории, описывающие превратности человеческого бытия, но и описываются правила структурирования событий, т.е. способы конструирования реальности рассказчиком.

Наиболее важными способами нарративного сообщения следует считать способность структурировать события таким образом, чтобы в повествовании присутствовал смысл движения (связанность или последовательность) и цель или ценностный конечный результат. Создаваемая субъектом нарративная конструкция должна представлять события в такой последовательности, чтобы достижение цели было более или менее правдоподобным. Описание событий безотносительно цели повествования не создает ни у рассказчика, ни у слушателя чувства адекватности повествования. Главная задача повествователя – развивать повествование по направлению к смысловому конечному результату, то есть постоянно иметь в виду цель рассказа. Повествование должно быть логичным. Так, при успешном повествовании формируется последовательность событий в направлении поставленной цели. Правила нарративного конструирования полезно применять не только для научного описания и объяснения поведения. Они также направляют наши усилия на то, чтобы объяснять человеческие поступки и, следовательно, быть понятными друг другу [8].

Важной характеристикой историй является то, что они случаются и всегда содержат случайные события, т.е. непредвиденные обстоятельства. Еще Аристотель в «Физике» определял шанс как случай, который мог бы быть целенаправляемым, но фактически таким не является. В нарративном подходе случай – это то, что случается и получает смысл именно в контексте истории, например, в романе. При написании романа писатель располагает события так, что, на первый взгляд, они выглядят случайными или даже лишними, но по прочтении истории, приобретают смысл. Таким образом, такие события выполняют функции предвестников, ожиданий и предзнаменуют то, что должно случиться. В процессе создания индивидуальной истории творец пытается объединить в ней все то, что с ним случайно произошло. Следовательно, рассказывание историй является стратегией преодоления непредвиденных

обстоятельств. Все, что было сказано об историях, является частью человеческого бытия, к примеру, биографии являются частью общей истории [7].

Сегодня правила нарративного конструирования используются не только в узких рамках герменевтики и нарративного подхода: они оказывают направляющее влияние на создание многих научных теорий. Основная причина этого заключается в том, что наблюдение само по себе не может определить выбор наиболее предпочтительного конечного результата или критерия, лежащего в основе теории. Оно также не предоставляет ученому возможности для определения абсолютно верной причинно-следственной связи. Форма построения теории может указать только на то, что люди считают оправданно ценным, тем, к чему следует стремиться. Наблюдение предоставляет ученому лишь множество потенциальных фактов, однако оно не дает указаний на то, как их отбирать и группировать между собой. Именно выбор нарративной формы во многом определяет, что считать фактом, а не наоборот. Самое важное здесь – нарративная форма, а наблюдение выступает лишь в качестве риторической схемы.

Незаурядный мыслитель и оригинальная исследовательница проблем герменевтики А.Ф.Закирова пишет: «В основе герменевтической интерпретации – преодоление субъектом понимания противоречия между обобщенным характером социального опыта, зафиксированного в понятиях как объективное значение знания, и конкретным характером присвоения этого знания, смыслами, представляющими собой субъективную ценность объективных значений» [2, С.17].

Одна из герменевтических конкретизаций отмеченного противоречия обнаруживается при психологическом анализе процессов понимания повествований. Важная функция историй, состоит в преодолении прошлого. Преодоление прошлого – это особый способ того, как человек справляется с непредвиденными обстоятельствами. Суть способа – «перерассмотрение». Этот термин, активно ис-

пользуется в литературной критике. Приставки «пере» и «рас» означают противоположность. Процесс «перерассмотрения» отражается в таком способе прочтения текста, который способен его разрушить (с целью анализа отдельных частей текста). Смысл, полученный таким образом, может противоречить смыслу всего текста в целом. Г. Бёме, изучавший именно эти аспекты перерассмотрения, назвал их «смыслом» и «противосмыслом» [7].

Названные феномены приобретают особое значение в идущей еще от Фрейда традиции интерпретации снов. Результат интерпретации снов состоит не только в разоблачении противосмысла рассказанного сна, но и в привнесении чего-то нового в понимание смысла подавленных желаний, выраженных во сне. Анализируя сны, мы, грубо говоря, разоблачаем самих себя. Таким образом люди учатся, с одной стороны, выделять в своей повседневной жизни тревожащие их ситуации; с другой - относить свои сны к инфантильным желаниям.

Фрейд предположил, что противосмысл легко преобразуется из реального смысла и находится в таком же отношении со смыслом, как сказанное с несказанным. Именно поэтому смысл индивидуальных историй может иметь совершенно противоположный смысл по сравнению с всеобщей историей. Индивидуальные истории отдельных людей тоже могут противоречить друг другу. Здесь существует обратная связь между частными историями и всеобщей историей. Общая история разлагается на большое количество отдельных историй, которые затем, объединяясь в единое целое, искажают смысл всей истории [7].

Итак, в отличие от психологии понимания герменевтика в основном направлена на интерпретацию таких событий и явлений, которые не только происходят в мире человека, но и порождаются, конструируются людьми. Закономерности, регулирующие ход событий, соотносятся со смыслами, ценностями и выражаются в предписывающих нормах и соглашениях. Теоретическая и методическая направ-

ленность герменевтики проявляется в ее тематике: проблемах двойственности смысла символа; первичности языкового описания, впоследствии принимаемого за данность, объективную реальность; соотношении смысла и противосмысла и т.п. Вместе с тем, очевидно, что наиболее перспективным направлением развития герменевтики следует признать идею взаимодополнительности логико-гносеологического и ценностно-смыслового начал интерпретации. Такая идея требует перехода от представлений о безлично-объективных основаниях интерпретации к изучению ценностно-смысловой позиции и видов активности понимающего субъекта [3].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Венцлова Т. Поэзия важнее, чем крестовые походы... // Иностранец. 2002. № 24. С. 28.
2. Закирова А.Ф. Теоретико-методологические основы и практика педагогической герменевтики. Автореф. дис... докт. пед. наук. Тюмень, 2001.
3. Закирова А.Ф. Теоретические основы педагогической герменевтики. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2001.
4. Знаков В.В. Понимание в познании и общении. Самара: Самарский государственный педагогический университет, 2000.
5. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Медиум, 1995.
6. Фромм Э. Психоанализ и религия. // Фромм Э. Иметь или быть? М.: Прогресс, 1990. С. 217-308.
7. Bohme G. Sense and counter-sense: On the Deconstruction of stories // Journal Studia Culturologica. 1994. Vol. 3. Spring - Autumn. P. 103-117.
8. Gergen K.J., Gergen M.M. Narrative form and the construction of psychological science // Narrative Psychology (The Storied Nature of Human Conduct). Ed. by Th.R. Sarbin. Westport, Connecticut. London, 1986. P. 22-45.

PSYCHOLOGY OF COMPREHENSION AND HERMENEUTICS

© 2003 V.V.Znakov

Institute of psychology of the Russian Academy of Science,
The Samara state pedagogical university

The similarity and difference between psychology of comprehension and hermeneutics are analyzed in the article. Hermeneutics looks for the origin of understanding not in the object of comprehension, but in its social, cultural, historical context. The psychology of comprehension is largely aimed at the study of activity, values, meanings of the subject in comprehension.